

Смех в устном народном творчестве Дунган Центральной Азии
Shisir I. (Republic of Kyrgyzstan)
(Кыргызская Республика)
Laughter in Dungan's of Central Asia folklore
Шисыр И. С. (Кыргызская Республика)

*Шисыр Исхар Сувазович / Shisir Ishar - доктор филологический наук, старший научный сотрудник,
Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Центр дунгановедения и китаистики, г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: статья посвящена изучению сяо (народных анекдотов) дунган Центральной Азии. В ней ставится задача показать особенности национального юмористического фольклора. Герои известных сочинений обычно развлекают публику забавными сценками, словесными играми, озорными шутками, скоморошьими проделками и всяческими трюками.

Abstract: the article is devoted to the study of Hsiao (folk anecdotes) of Dungans in Central Asia. It aims to show the peculiarities of national humorous folklore. Heroes of well-known works usually amuse the audience with funny skits, word games, naughty jokes, buffoon antics and all sorts of tricks.

Ключевые слова: устное народное творчество, дунгане, Центральная Азия, юмор, своеобразие, образ, дружба.

Keywords: folklore, Dungan, Asia-Central, humor, identity, image, friendship.

УДК: 398.21/22 (=951.1) (574/575)

В юмористическом фольклоре (сяо-анекдотах, бытовых сказках, новеллистических рассказах) дунган Центральной Азии образы некоторых весельчаков - плешивого, кривоногого, сопливого и других - занимают особое место. Профессиональные сказители, любители фольклора всегда с большим удовольствием исполняют подобные произведения, так как в живой народной традиции они пользуются особой популярностью.

В народных сяо-анекдотах плешивый, кривоногий, сопливый и другие персонажи всегда отличаются удивительно трогательной дружбой. В то же время они непримиримые соперники в остроумии и постоянно осыпают друг друга насмешками. Однако в этих постоянных словесных дуэлях никто никогда не одерживает верх. И самое главное: эти веселые друзья, несмотря на частые ожесточенные споры, доходящие нередко до рукоприкладства, никогда не расстаются.

В качестве образца приведем анекдот «Тугоухий, близорукий и кривошей пошли в театр», записанный нами от Вуджинью Мухаме в 1982 году в с. Александровка Московского района Кыргызской Республики. По окончании спектакля друзья затеяли между собой спор об игре актеров. Тугоухий положительно отозвался об игре актеров, однако ему сильно не понравилось пение: «Оно никуда не годится, актеры только открывают рот, а голоса почти нет...» Близорукому же все показалось наоборот: «Поют здорово! Вот только с игрой у них не клеится, трудно разобраться, что они там изображают». Кривошей доказывал, что актеры пели и играли вообще превосходно, только одно было плохо: «Сцена была кривая! Просто за артистов страшно, того и гляди скатятся вниз».

Иногда в этом цикле анекдотов можно встретить органически инкорпорированные в прозаические тексты стихотворения. Веселые друзья – персонажи часто соревнуются в сочинении стихов. Они гордятся своими умственными способностями и действительно обладают достаточно острым умом, что помогает им преодолевать трудности. Стихи героев отличаются близкой к народной традиции формой. Некоторые стихотворения содержат столько истинных народных выражений, что переводить их на другой язык – задача весьма сложная.

Так, в анекдоте «Плешивый, близорукий и коротышка соревнуются в сложении стихов», записанном М. Хасановым от Чжинлирова Сувы в с. Каракуруз Курдайского района Джамбулской области Казахской ССР в 1959 году, друзья соревнуются в сочинении стихов. Проигравший обязан кормить остальных в харчевне. И, боясь проиграть в соревновании, коротышка обращается за помощью к жене. Жена его вскоре так запутала плешивого и слепого в словесной игре, что те признали за ней полную победу и согласились даже с такими строками из ее стихотворения: «Коротышка – мой муж, плешивый – сын, близорукий – внук», хотя вначале даже не собирались разговаривать с глупой женщиной [6, с. 152-153].

В анекдотах о плешивом, кривоногом, сопливом и других народ вспоминает недостатки персонажей не для того, чтобы указать на них, а чтобы раскрыть юмористическую сторону рассказываемой истории. Недостатки героев здесь лишь атрибуты анекдотов, изобразительные средства, художественные нюансы, помогающие создать фольклорный образ.

Герои анекдотов развлекают публику забавными сценками, словесными играми, озорными шутками, скоморошьими проделками и всяческими трюками. Они не столько стремятся к ядовитой сатире, сколько смешат людей, обыгрывая комизм положения в какой-либо обыденной ситуации. Веселые невинные трюки

шутников основаны на жизнерадостном восприятии окружающего мира. Здесь преобладает скоморошья буффонада, в которой персонажи подставляют друг другу подножки и валяются один на другого как в известной детской игре «куча-мала».

В качестве примера приведем анекдот «Слепой, плешивый и сопливый», записанный Б. Рифтиным в 1954 году от Мащюхэ Розы в с. Каракунуз Курдайского района Джамбулской области Казахской ССР, в котором трое друзей поспорили в харчевне.

«Пришел с востока слепой, пришел с запада плешивый, пришел с юга сопливый. Подружились все трое. Пошли в харчевню. Слепой и говорит:

– Сядет мне муха на глаза, не буду отгонять ее. Коли отгоню ее – плачу деньги.

Плешивый говорит:

– Укусит меня муха в голову – не почешусь. Коли почешусь – плачу деньги.

Сопливый говорит:

– Коли я нос вытру – плачу деньги.

Начал плешивый рассказывать:

– На одной горе живет баран, у него рога вон какие длинные!

Показывать стал, почесал голову.

Начал сопливый рассказывать:

– Под той горой живет заяц. Так его гоняют, так люди его бьют, так его лупят.

Показывать стал, да нос и вытер.

Тут близорукий сказал:

– Я не верю! Хитрите вы!

Замахал руками, да муху и согнал [3, с. 255-256].

В классической форме реализации анекдотов в устном бытовании, когда рассказывают и слушают, большую роль играет артистизм рассказчика, который выражается в жестах, мимике, голосе, движении на воображаемой сценической площадке и т. д. Живое исполнение даже при минимальном разыгрывании всегда имеет большой успех, конечно, в том случае, когда рассказчик справляется с поставленными задачами. Сяо о плешивом, кривоногом, сопливом и других в особой мере предрасположены к сценической игре.

Академик РАН Б. Л. Рифтин вспоминает своего информатора – маленькую девочку Розу из с. Каракунуз Курдайского района Джамбулской области Республики Казахстан, которая в присутствии целой группы детей рассказала приведенный выше анекдот. Она живо сопровождала рассказ «выразительными жестами, имитирующими соответствующие жесты персонажей (показ длинных рогов с одновременным почесыванием головы и показ, изображенный маленькой рассказчицей особенно картинно, как гоняют зайца, и как сопливый, размахивая рукой, умудряется вытереть нос и т. п.)» [5, с. 477-478].

Следующий анекдот «Трое плешивых» повествует о попытке трех незадачливых друзей набиться в любовники к замужней женщине. Этот текст записан В. Цибузгиным, выпускником Восточного факультета Петербургского университета, работавшим учителем в специально созданной для дунган школе, в начале 1900-х годов в с. Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области. Он опубликован в 1909 году в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» [7, с. 19].

В этом тексте в качестве характерной особенности выступает бросающаяся в глаза пародийная, гротескная и юмористическая трактовка изображенной темы в виде бытовых происшествий, которые могут быть фантастическими, случайными, неожиданными и т. д. Однако очевидное преувеличение все же по-житейски правдоподобно, вполне допустимо и не выходит за границы реальности. А потому можно говорить о широко распространенном приеме пародирования, когда в основу сатирического осмеяния того или иного явления кладется реалистический гротеск. В результате всего этого сатирическое начало практически отодвигается комическими ситуациями на задний план эстетического восприятия.

«Сговорились трое плешивых ночью к одной женщине пойти. Первый плешивый говорит:

– Я вперед пойду!

А второй не соглашается:

– Нет! Я пойду!

Третий тоже вперед пойти хочет. Заспорили они. Один и говорит:

– Стойте! Не ссорьтесь! Пойдем все вместе.

Пошли они вместе. Открыла им женщина. Только они на кан уселись, муж ее вернулся, велит дверь открыть. Спрятала она их в печку¹ и открыла мужу двери. Вошел муж и говорит:

¹ В другом варианте, записанном Ч. Чжонтянхэ и хранящемся в Рукописном фонде Института языка и литературы им. Ч. Айтматова, неверная жена прячет троих плешивых друзей внутри кана, что в действительности соответствует истине. По свидетельству этнографа А. А. Джона, одним из важнейших элементов старого жилища дунган является обогреваемая в холодное время лежанка (кан), на которой ели, спали, отдыхали и т. д. Самой распространенной лежанкой считается герметичная «коробка» из глиняных материалов высотой 80 см и размером приблизительно в половину комнаты. Под каном, т. е. в «коробке», свободно проходил жар и дым от соединенной с ней печки [2, с. 101-105]. В анализируемом в настоящей работе варианте явно допущена ошибка либо рассказчиком, либо собирателем, либо переводчиком.

– Что-то холодно в доме. Разожги-ка печку.
Растопила женщина печь, а потом как закричит:
– Ай-я! В печке-то человек!

Потушил муж сразу огонь и вытащил трех плешивых. Глянул на них, а они все уже от дыма задохнулись. Забеспокоился муж, говорит жене:

– Ай-я! Вот беда! В доме у нас три покойника. Прознают про то власти, не жить нам обоим. Во что бы то ни стало надо этих плешивых на городскую стену выкинуть.

На другое утро подошел к их воротам нищий. Жена ему и говорит:

– Есть у меня для тебя одно дело. Такое вот дело. Вдова я, пришел ко мне вчера один больной плешивый, да ночью и умер. Теперь я боюсь наказания. Надо во что бы то ни стало этого покойника тихонько за городскую стену выбросить. Прошу тебя, помоги мне. Я дам тебе двадцать лёнов² серебра. Только не говори об этом никому.

Нищий решил заработать двадцать лёнов серебра и согласился. Когда стемнело, он взвалил покойника на спину и бросил за городской стеной. Вернулся к женщине и стал требовать деньги.

А та говорит:

– Ты что, не мог подальше бросить. Гляди, плешивый обратно прибежал. Возьми-ка его, да теперь подальше отнеси.

Нищий не знал, что это второй покойник, взвалил на спину и на этот раз отнес подальше. Вернулся, а женщина ему:

– Ай-я! Ну что ты за человек! Разве я тебе не говорила, чтоб отнес плешивого куда-нибудь подальше. Не послушал ты меня, а он опять прибежал. Теперь уж ты обязательно отнеси его еще дальше.

В третий раз взвалил нищий на спину плешивого, отнес его совсем далеко и бросил в глубокую яму. А когда бросал – не заметил, что подле ямы человек сидит, оправляется. Увидел этот человек покойника, испугался и ну в город бежать. Нищий его за покойника принял, решил за ним гнаться. А прохожий решил, что покойник его нагоняет, и побежал еще быстрее. Не догнал его нищий, рассвирепел и давай плешивого поносить:

– Ах, черт за тобой гонится! Опять обратно бежишь. Нет! На этот раз я к женщине не пойду. Не надо мне двадцати лён серебра. Это серебро и за всю жизнь не заработаешь!» [2, с. 256–257].

Известный сюжет чрезвычайно популярен в фольклоре разных народов. Его можно встретить в указателях Аарне–Томпсона (№ 1536 В «Три брата горбуна вытаскиваются»), Аарне–Андреева (№ 1730 I «Мужик хоронит трех попов»), В. Эберхарда (Shvanke, 336, 112) и т. д. Вариант дунган близок к варианту желтых уйгуров–буддистов «Проделки жены, или живой труп», записанному С. Е. Маловым в 1910 году в провинции Ганьсу Северо-Западного Китая [4, с. 83–85]. Однако в качестве любовников в варианте у уйгуров выступают три монаха, что близко к варианту Н. П. Андреева, в котором неудачные любовники – также служители культа. В формулировке данного сюжетного типа Аарне–Томпсона речь идет о горбунах, а в варианте дунган – о плешивцах.

В анализируемом сюжете следует обратить внимание на следующий факт. В дунганском языке словосочетанием «тү ту» («плешивой головой») часто награждают монахов-лам, которые обычно брили головы. Соответственно это служило, как правило, в народе предметом частых насмешек над ними. По этой причине хуэйцзу, заимствовавшие сюжет у «сары уйгуров», исповедовавших буддизм, со временем стали воспринимать особенности героев «тү ту» в прямом смысле. В результате в фольклоре дунган со временем появляется сюжет о похождениях трех незадачливых плешивых.

Характер шуток плешивого, кривоногого, сопливого и других персонажей, заключенный в балагурстве, скоморошестве и озорстве, подталкивает к мысли, что данный цикл анекдотов, по всей вероятности, восходят к древним уличным актерским представлениям в Китае³, о которых замечательно написал синолог В. М. Алексеев в «Китайской народной картине: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях». В самом деле, веселые друзья напоминают странствующих шутов, которые со временем подготовили почву уличной актерской традиции в социальном обществе Китая. В результате стали появляться актерские сцены: при храмах, в деревнях на площади, на лодках посередине реки, в частных домах и т. д. Все это дало повод В. М. Алексееву написать, что «можно, не боясь преувеличения, назвать Китай страной театра» [1, с. 60].

Соответственно, многие яркие забавные истории, сыгранные уличными актерами, позднее превратились в рассказы, передаваемые из уст в уста. С этого времени, скорее всего, и начинается формирование в фольклоре образов плешивого, кривоногого, сопливого и других. В дальнейшем традиционные действия героев дополняются чисто литературными приключениями.

Литература

1. Алексеев В. М. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. - М.: Наука, 1966. – 260 с.

² Лён (кит. лян) – мера веса, около 31 грамма.

³ Дунгане Центральной Азии являются выходцами из Китая.

2. *Джон А. А.* Материальная культура дунган. Поселение, усадьба и жилище (конец XIX – XX в.). – Фрунзе: Илим, 1986. – 152 с.
3. Дунганские народные сказки и предания / сост. М. А. Хасанов и И. И. Юсупов. - М.: Наука, 1977. – 573 с.
4. *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров: Тексты и переводы. М.: Наука, 1967. - 219 с.
5. *Рифтин Б. Л.* источники и анализ сюжетов дунганских сказок // Дунганские народные сказки и предания / сост. М. А. Хасанов и И. И. Юсупов. - М.: Наука, 1977. С. 403–506.
6. Хузэйзү минжынди гужир (Дунганские народные сказки) / сост. и коммент. М. Хасанова. – Фрунзе: Илим, 1976. – 158 с.
7. *Цибузгин В. и Шмаков А.* Заметки о жизни дунган селения Каракуруз Пишпекского уезда Семиреческой области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Семипалатинск, 1909. – Вып. 4. – С. 12–28.